

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-235-238

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ВОПРОСЫ СЛАВЯНО-РУССКОГО РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ»

2–3 октября 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН проходила десятая конференция молодых специалистов. Как напомнили ее организаторы — Т. Б. Карбасова и С. А. Семячко, — предыдущая конференция состоялась 10 лет назад. В октябре 2019 года 15 студентов, магистрантов, аспирантов и младших научных сотрудников Института русской литературы, Института истории и филологического факультета Санкт-Петербургского университета, Псковского университета, Московского педагогического университета вынесли на обсуждение свои исследования, посвященные широкому кругу вопросов.

В докладе Н. А. Шереметова (Санкт-Петербург) «Проложные жития Феодосия Печерского в составе Службы на преставление святого (3 мая)» была поставлена задача определить, текст из какой редакции Пролога читается в рукописных сборниках XIV–XV веков, содержащих Службу на 3 мая. Опираясь на выводы О. В. Лосевой о наличии Краткой и Пространной редакций Пролога, исследователь установил, что в текстах Служб после 6-й песни канона кондака и икоса читается Житие и Слово от Жития из Пространной редакции Пролога. При этом отмечено, что в рукописи 1440-х годов (БАН. 33.20.14) в Службе Феодосию Печерскому чтения в тексте Жития ближе к тем, что читаются в Прологе 1410–1425 годов (ГИМ. Успенское собр. № 3), а в Слове от Жития — к спискам Прилуцкого Пролога (РНБ. Собр. СПбДА. АП/264. Т. 2), обнаруживая связь с чтениями из самого раннего списка Слова — второй половины XIV века (ГИМ. Синаodalное собр. № 246). Близкое сходство со списком БАН отмечено в выявленном исследователем списке 1460-х годов (РНБ. Собр. Погодина. № 615), который был составлен в Киево-Печерском монастыре при архимандрите Николе, что позволило отнести оба списка к одной рукописной традиции. Кроме того, Шереметов указал на большое количество разночтений в Житии и Слове от Жития в сборнике конца XV века (БАН Литвы. Ф. 19. № 102) и бденной службе святому, отличающихся их от текстов в Краткой и Пространной редакциях Пролога. При этом было установлено, что бденная служба полностью совпадает со Службой, изданной в составе Анфологиона 1619 года в типографии Киево-Печерской лавры.

Е. А. Карпова (Санкт-Петербург) в докладе «Святитель Серапион Новгородский: Читатель, мыслитель и автор (по материалам собрания рукописей Троице-Сергиевой лавры)» попыталась установить на основе шести рукописей, связанных с именем Серапиона (Пятикнижие, Поучения Исаака Сирина и аввы Дорофея, Киево-Печерский патерик, сборник Слов и житий избранных святых, Минея общая с Шестодневом), а также исследований предшественников, посвященных Житию новгородского святителя конца XV — начала XVI века и его Посланию митрополиту Симону, круг интересов Серапиона Новгородского.

Доклад Н. В. Белова (Санкт-Петербург) «Житие Германа Казанского: Датировка, авторство, источники» был основан на материалах десяти выявленных им списков памятника, которые исследователь подразделил на три редакции: Пространную и Краткую, которые являются авторскими и относятся к 1660-м годам, и Саровскую, составленную на основе Пространной в XVIII веке. Анализ Пространной (первоначальной, по мнению выступавшего) редакции позволил прийти к выводу, что она была создана Иоанном, служащим Казанского архиерейского дома в 1660-х годах, его источниками были Житие Гурия и Варсонофия Казанских, устный рассказ архиепископа Лаврентия Казанского о поддержке Германом митрополита Филиппа в его противостоянии с царем Иваном Грозным и актовый материал Казанского архиерейского дома.

Т. Н. Галашева (Санкт-Петербург) продолжила исследование Жития Ефрема Новоторжского. В докладе «Сюжет о главе Георгия Угрина в Житии Ефрема Новоторжского» она отметила, что созданное в 1570–1580-х годах в Борисоглебском Новоторжском монастыре Житие его основателя, который жил в XI веке, испытывало недостаток фактов биографии подвижника при необычности материального свидетельства (вторая голова рядом с мощами святого). Текстологическое исследование памятника позволило сделать вывод о том, что ряд едва намеченных в Краткой редакции сюжетов, основанных на устной традиции, был развит в Пространной. В качестве возможных источников рассказа о Ефреме, одном из трех братьев-угринов, который принес отсеченную главу Георгия в Торжок, хранил ее у себя

и завещал похоронить вместе с собою, были названы иконописные изображения святых-главоносцев, в том числе великомученика Георгия, и другие «сюжеты и символы» (по определению М. Б. Плехановой) Московского царства.

Л. А. Веппе (Санкт-Петербург) сделала доклад «Древнерусские сборники антилатинской тематики: Состав, происхождение и проблемы классификации», в котором попыталась выделить из корпуса полемических сочинений особую группу, объединенную темой обличения «латинян». Оговорив, что первые произведения подобной тематики были переводными, а некоторые антилатинские тексты читались в Кормчих, Четых-Минях и сборниках смешанного состава, исследовательница стремилась определить частотность отдельных произведений и текстовых блоков в рукописях.

В докладе «За кулисами текста: Из истории создания Книги о Тихвинской иконе Богородицы в редакции Симеона Полоцкого» Е. С. Дилигул (Санкт-Петербург) обратилась к одному из этапов литературной истории «Сказания о Тихвинской иконе Богородицы», которое было написано в XVI веке. В середине XVII века иконописец Родион Сергеев составил Книгу о Тихвинской иконе, объединившую все тексты, посвященные этому богородичному образу. На ее основе Симеон Полоцкий создал свою редакцию Книги. Черновые материалы, отражающие процесс работы автора над ее формированием, содержатся в авторской рукописи (ГИМ. Синодальное собр. № 542), куда вошло Предисловие, «Метры красоюгласные» и новые чудеса. Другой автограф Симеона Полоцкого (РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 7487) является композиционно единым законченным памятником — Книгой о Тихвинской иконе Богородицы, в котором содержится значительное количество разновременных записей (XVII–XIX веков) и правок XVII века, учтенных в более поздних списках Книги. Копии писем князя П. И. Прозоровского (1675–1680 годов) в Тихвинский Успенский монастырь и ответные послания ему подтверждают мнение о том, что Книга готовилась Симеоном Полоцким к печати.

Фу Хэн (КНР) выступил с докладом «Хроника Константина Манассии: Перевод А. Д. Кантемира и древнеславянский перевод», в котором обратился к анализу стилистики Хроники, известной на Руси по болгарскому переводу с начала XVI века. Опираясь на исследование Б. А. Градовой, рассмотревшей взаимоотношения автографа перевода и двух его позднейших списков, Фу Хэн, сравнив версию Кантемира с изданным в Лейдене в 1616 году латинским переводом и греческим текстом, пришел к выводу о последовательном стремлении автора избегать повторов, расширяя круг синонимов («цвет» — «колер»; «всебагрённый» — «червлёный» — «багрено» и т. п.) и отметил пристрастие переводчика к составным эпитетам, которые известны и по его переводам анакреонтических од («удоборазумельный», «щедроподательство», «изобильнодая-

ние»). В многочисленных глоссах Кантемир, по наблюдению исследователя, приводил синонимы комментируемых слов («скудельник — гончар»; «элефант — слон»). Все это позволило переводчику «расцветивать» стиль источника, следуя барочной традиции.

В докладе А. В. Волкова (Санкт-Петербург) «Библейская география в „Келейном летописце“ Дмитрия Ростовского: Западные источники» была затронута тема источников библейской топографии святителя. Назвав сочинения европейских авторов XVI–XVII веков («Обозрение Святой земли» Христиана Адрихомиа, «Комментарии к Книге Бытия» Корнелия а Лапиде, «Синописис» Георгия Кедрина, «Хроника» Иоанна Навклира и «Собрание хроник» Иакова Бергамского), исследователь подчеркнул, что в вопросе о местоположении земного рая и его судьбы после Всемирного потопа Дмитрий Ростовский разделял точку зрения Корнелия а Лапиде, расширив приведенные предшественником примеры в пользу его реального существования ссылкой на Жития Иоанна Златоуста и мученицы Доротеи; разделил «поле Дамасково» близ Хеврона, куда переселились Адам и Ева после изгнания из рая, и город Дамаск, по пути в который произошло обращение Савла; ссылаясь на Корнелия а Лапиде, полагал, что мощи Адама были взяты Ноем на ковчег, поделены между его сыновьями, а Сим похоронил череп Адама на Голгофе. Дмитрий Ростовский разделял Салим и Иерусалим, замечая, что царь Мелхиседек мог иметь отношение к основанию Иерусалима, затронул этимологию названия «Иерусалим», возводя его к греческому «святой» и еврейскому «мир». В сведениях о Мертвом море, возникшем на месте Содомы и Гоморры, и об истории соляного столпа, в который превратилась жена Лота, изложенных по Адрихомию, назидательная составляющая была для ростовского митрополита главной.

В выступлении А. А. Тихомировой (Москва) «Стихирарь минейный (РГБ. Ф. 379. № 63): Особенности состава и фиксации песнопений» были подробно рассмотрены сентябрьские службы первой рукописи Стихираря, месяцев которого включает 57 памятей, в том числе 11 служб русским святым и 2 — двенадцатым праздникам. Сопоставив данные с Уставами и печатной Минеей, исследовательница пришла к выводу, что в месяцевлов Стихираря были внесены памяти, которых нет в современных ему Уставах и Минее (Мирожской иконе Знамение, например); в ряде служб русским святым «повышен» знак, что расширяет число песнопений (князю Федору Смоленскому и Иосифу Волоцкому); были включены два чина (на освящение церкви и «Провожение Новому лету»); увеличено число песнопений в цикле стихир на литии (князю Михаилу Черниговскому и Крестовоздвижению); расширен жанровый состав чинопоследований (за счет тропарей, кондаков и светильнов); даны подробные уставные указания; приведены различные версии песнопений и песнопения раз-

ных певческих стилей (демественное многоголосие и многогласники). Все эти характеристики подтверждают вывод об исключительности данной рукописи.

С. М. Маланина (Санкт-Петербург) представила доклад «О функционировании библейских цитат в „Записке“ инока Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского». Она сосредоточилась на теме «приготовления к кончине» святого и попыталась обратить внимание на цитаты из 118-го псалма, которые были приведены Иннокентием в сцене панихиды во время пятничной вечерни и в эпизоде, повествующем о последних часах жизни Пафнутия. По мнению исследовательницы, цитирование псалма, входящего в последование панихиды, важно для символического плана повествования (смерть подвижника как духовное восхождение).

Доклад Т. А. Чернышевой (Псков) «Интертекст в гимнографии Недели о Блудном сыне (по нотированным Триодям XVII в.)» был посвящен исследованию интертекстуального взаимодействия гимнографического текста с библейским первоисточником, определению того, каким образом сюжет притчи оказывается включен в литургический текст и встроен в более широкий контекст великопостного богослужения. В результате сопоставительного анализа текста службы Недели о Блудном сыне с текстом притчи выявлены евангельские цитаты и аллюзии; проведена классификация фрагментов гимнографического текста на семантические «сферы», соотносимые с образами Отца, Блудного сына во грехе, раскаявшегося Блудного сына; определена степень вариативности в интерпретации библейского текста; при сопоставлении текстов чинопоследования Недели о Блудном сыне с другими текстами великопостного богослужения обнаружены общие для них топосы.

В докладе Р. С. Поимцева (Псков) «К истории музыкально-поэтического текста стихирь „Честное воскресение Свое“ из службы Входа Господня в Иерусалим в древнерусской нотированной книжности» было предложено комплексное исследование музыкально-поэтического текста стихирь 6-го гласа из праздничной службы Входа Господня в Иерусалим. История ее создания восходит к византийской традиции VII–VIII веков, автором считается гимнограф и мелод Андрей Пирр, стихира изначально имела ремарку «самогласна», входила в микроцикл на «Господи, воззвах», что определило ее местоположение, роль и функцию в древнерусских рукописях певческой традиции. Стихира «Честное воскресение» известна по новгородским спискам Триоди XII–XIII веков. Исследователем подробно рассмотрен поэтический и музыкальный текст стихирь, объединившей несколько сюжетов (Воскрешение Лазаря, вход в Иерусалим, Воскрешение Христа из мертвых), прослежены лексические и контекстные связи с соответствующими службами; установлена эволюция распева (от архаичных форм монодии к строчному многоголосию). Сопоставление со Стихирарем Вен-

ской библиотеки XII века (Codex theol. Gr. 136), нотированным палеовизантийской нотацией, позволило определить степень заимствования в древнерусской традиции исходной структуры текста, принципов нотирования. На рукописном материале прослежено взаимодействие текста и распева на протяжении семи веков (введение попевок, лиц и фит), словарь гласовых музыкальных формул.

Т. В. Бурилкина (Санкт-Петербург) в докладе «Молитва „Боже пречистый всего создания содетелью“ в славянском тексте чина венчания: Текстологический анализ и язык» рассмотрела историю текста первой дополнительной молитвы, которая встречается только в древней редакции славянского чина венчания (в правленных редакциях чинопоследования — Киприановской и Афонской — эта молитва была изъята), однако позже вновь включена в текст и содержится в современном чине венчания. Как показала исследовательница, композиция текста трехчастна (ветхозаветная часть с упоминанием супружеских пар от Адама и Евы до Захарии и Елизаветы; новозаветная — описание чуда на брачном пиру в Кане Галилейской; благословение брачующихся на счастливую семейную жизнь), сам текст стабилен, что свидетельствует об отсутствии новых славянских переводов и правки текста.

Доклад Аояма Таданобу (Япония) «Генеалогические связи Пустозерского сборника И. Н. Заволоко и производных от него списков» базировался на палеографических наблюдениях над текстами трех списков Пустозерского сборника конца XVIII — XIX века (ГИМ. Собр. Барсова. № 200; РНБ. Собр. ОЛДП. Q. 730; РНБ. Собр. Титова. № 4218), которые, согласно выводам Н. С. Демковой, непосредственно восходят к автографу Аввакума из собрания И. Н. Заволоко (ИРЛИ. Оп. 24. № 43). Исследователь показал, как перенос на другую строку части слова «видимое» (види/мое) в автографе был понят писцом Барковского списка как «видиние (с исправлением И на ъ) мое» и повторен в списке ОЛДП; слово «начал/ник» автографа — как «начал никто» в Барковском списке, а в ОЛДП — «начал нѣкто», что свидетельствует о том, что непосредственно к сборнику восходил Барковский список, который стал антиграфом для списка ОЛДП. Однако при этом в тексте ОЛДП содержится ряд более верных чтений, совпадающих с автографом («Пущи» вместо ошибочного в Барковском «Пещи», например), что, по мнению исследователя, объясняется очевидностью ошибок антиграфа, которые исправил переписчик ОЛДП. Поскольку поздние списки не имеют признаков выгосских рукописей, было сделано предположение о том, что сборник И. Н. Заволоко в конце XVIII — начале XIX века находился за пределами Выга.

В докладе А. Б. Беловой (Санкт-Петербург) «К проблеме материальной составляющей повседневности древнерусского пишущего» были приведены материалы, позволяющие уяснить технический процесс создания рукописи.

Были собраны и систематизированы сведения о материальном инструментарии профессионального писца XV–XVII веков на основании фактов, содержащихся в описях, приходно-расходных и таможенных книгах, свидетельств иностранных путешественников и изобразительных источниках. Инструментарий пишущего, как показала исследовательница, был обширен (трипицы для вытирания пера, процеживания чернил, листы-пробники, оселок для заточки перочинного ножа, плита для измельчения киновари, звериный зуб для ухода за писчим пером и кусок слоновой кости для вошения бумаги, железная мешалка для чернил, дорогостоящая греческая губка). Корректировка ингредиентов красящих веществ требовала от профессионального писца навыков в «писцовой химии» (перечисляются камедь, квасцы, сурик, купорос, кислые яблоки, гвоз-

дика, имбирь, вино, калач), что позволяет получить представление об объеме необходимых знаний и умений пишущего. Результатом работы в дальнейшем должен стать полный каталог инструментария древнерусского писца.

Все доклады вызвали живую дискуссию. Активное обсуждение выступлений, в котором приняли участие Н. В. Поньрко, Т. И. Афанасьева, А. Н. Кручинина, Ж. Л. Левшина, О. В. Панченко, Н. В. Савельева, С. А. Семячко, А. В. Сиренов, М. А. Федотова и др., дало возможность увидеть новые направления исследований, уточнить выводы и расширить представление о месте памятников в истории культуры Древней Руси.

© *И. А. Лобакова,*
© *В. А. Ромодановская*

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-238-240

ВОСЬМОЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

4 декабря 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась Восьмой агиографический семинар. Традиционная встреча специалистов по агиографии открылась докладом Е. В. Романенко (Москва) «Борисоглебский цикл как источник по канонизации святых». Как показала исследовательница, уже первая русская канонизация обнаружила определенную последовательность действий со стороны княжеской и церковной власти. Литературные памятники XI века, посвященные святым Борису и Глебу, отразили четкое понимание критериев святости, без которых прославление не могло состояться. Вопрос о канонизации был поставлен после того, как появились известия о чудесах от мощей Бориса и Глеба (само по себе обретение нетленных мощей не стало достаточным основанием). Инициатива канонизации исходила от князя Ярослава Мудрого. По одним данным, митрополит Иоанн I согласился с князем, по другим, высказывал осторожные сомнения, но князь настоял на своем. По приказу Ярослава была построена и освящена во имя князей-страстотерпцев церковь, установлен день ежегодного церковного празднования, а также написана икона с изображением Бориса и Глеба; впоследствии была составлена служба святым. Наличие основных признаков канонизации доказывает, что она совершилась при Ярославе Мудром. Последующие перенесения мощей Бориса и Глеба 20 мая 1072 года и 2 мая 1115 года послужили поводом установления новых дней памяти святых и распространению их почитания. Первая русская канонизация, по заключению Романенко, стала эталонной для позд-

нейших, определив критерии и порядок проведения процедуры прославления святых.

Т. Б. Карбасова (Санкт-Петербург) прочла доклад «К вопросу о почитании русских святых в Кирилло-Белозерском монастыре в XV в.». Она исходила из предположения, что наличие посвященных русским святым текстов в монастыре в той или иной мере может свидетельствовать об их почитании. Начав рассмотрение источников с «Кирилловских святцев» (по преданию принадлежавших Кириллу Белозерскому) и «Допахомиевской службы» преподобному Кириллу, Карбасова установила, что интерес к сбору сведений о русских чудотворцах стал замечен к началу 60-х годов XV века. Он проявился в заказе Пахомию Сербу Жития и Службы основателя обители, подготовке Службных миней, в археографической и редакторской деятельности Ефросина и, наконец, в пополнении библиотеки сборниками житий новых чудотворцев («Одинцовский патерик», сборник собрания Н. П. Лихачева, № 161). Новый этап в почитании русских святых в Кирилловом монастыре связан с деятельностью Гурья Тушина — это уже не собирание, а создание новых текстов и новых редакций служб и житий, очевидно ориентированных на монастырское богослужение (Краткого жития и Похвального слова Кириллу Белозерскому, Кирилловской редакции Жития Авраамия Смоленского, особой редакции «Вассиановых чудес» Зосимы и Савватия Соловецких, особой редакции «Чудес на обретение мощей Бориса и Глеба», сокращенных редакций служб Авраамия Смоленскому, Зосиме Соловецкому, Антонию Печерскому). Очевидно, к концу XV ве-